

У ДЖЕДАЕВ НЕТ КОШМАРОВ

«Атаку клонов» Россия увидела раньше Америки

Джорджа Лукаса никто не рискнет назвать великим режиссером. Но его «Звездные войны» войдут в историю как один из величайших феноменов массовой культуры. Сказка про рыцарей, спасающих принцессу и межгалактическую республику, выбила из привычной системы художественных ценностей людей всех поколений. Она стала почти религией в той же мере, в какой «битлы» — классической музыкой, комикс — литературой, а хиромантия — наукой. Формула «С нами Сила!» вошла в тот же ряд понятий, адаптированных к массовому сознанию, что и формула «С нами Бог!»

Валерий КИЧИН

Премьера каждого нового эпизода «Звездных войн» проходит на грани праздника и скандала, реклама неистовствует, атмосфера в зале говорит о провале, но потом становится ясно, что это триумф. Москва увидела «Атаку клонов» на полсутки раньше Лос-Анджелеса, т.к. солнце встает на Востоке, но старая сказка повторилась: обидный хохот зала в патетических эпизодах сменился бурными аплодисментами на финальных титрах.

Как известно, «Эпизод I. Скрытая угроза» вернул нас к началу истории будущего лорда Вейдера, космического монстра и источника зла. Там он — девятилетний Энакин Скайуокер, и главная сюжетная линия отныне связана с его постепенным грехопадением в пучины темных сторон Силы. Эпизод II продолжает диаграмму, прием Лукас заметно спешит и добавляет темные краски в ангелоподобный портрет Энакина слишшком демонстративно. В «Клонах» папе Люка Скайуокера 19, его играет пай-мальчик из Торонто Хейден Кристенсен, в котором Лукаса привлекла несыгранная смесь чистой юности с «чертиками в глазах».

По теории 58-летнего Лукаса все зло Дарта Вейдера оттого, что он с юности отринул советы на-

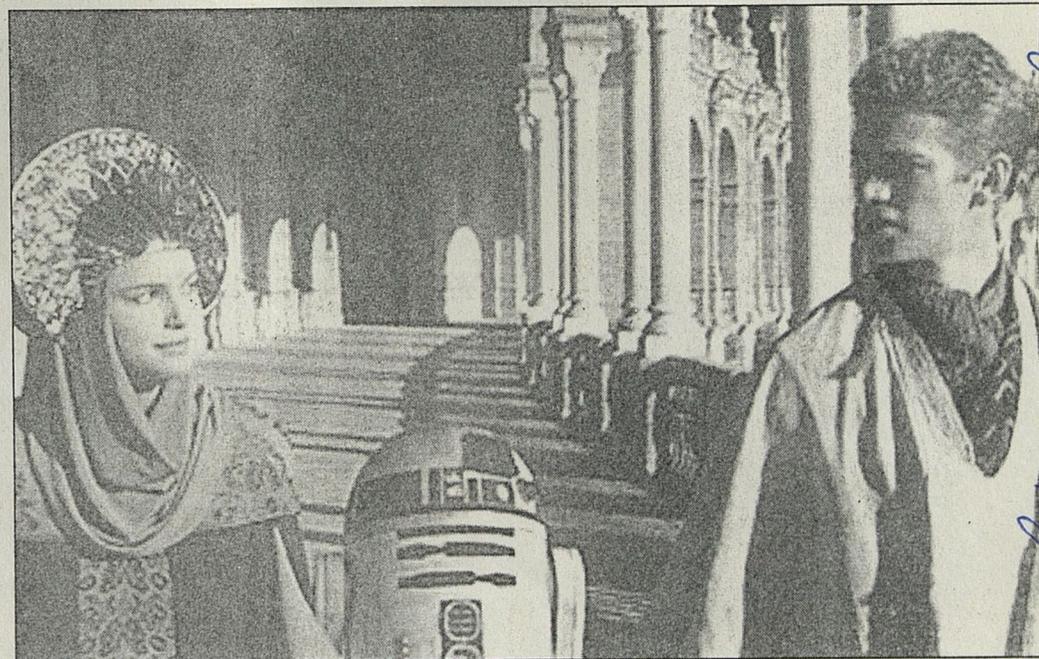
ставника. Процесс отчуждения, когда гордыня берет верх над разумом, и стал предметом картины: будущий джедай срывается, капризничает и выказывает раздражение учителем Оби-Ван Кеноби (Эван МакГрегор). И мы вслед за дидактической линией картины отмечаем: ага, вот тут он уже почти предал, тут дал волю злобе, а тут явил жестокость (источниками вдохновения для автора были история про царя Эдипа и биография Наполеона). Попутно Лукас впервые вводит в сагу тему любви — к неудовольствию зрительного зала, который лирические сцены на фоне, напоминающем мюзиклы 50-х или старые фото «Привет из Гагры», встречал смешками. Обе линии Кристенсен ведет по-мальчишески импульсивно, даже монотонно, однако цель притчи достигнута: мы понимаем, что человеческий масштаб героя несоизмерен его физической мощи.

Все эти кажущиеся издержки — оттого, что детская назидательная футуросказка выступает в формах историко-политического эпоса, экшн-комикс претендует быть «романом с психологией». Но иначе и быть не может: иные решения убили бы изобретенный Лукасом жанр. А это — открытие: «Звездные войны» начали в кино новую эпоху.

Когда-то у нас их считали антисоветчиной, и отзвуки мифа до

сих пор живы: фильм, говорят нам, выражает американскую идею навязывания миру своего образа жизни. На самом деле фильм выражает тезисы, на которых вскормлен весь международный жанр сказки: что такое хорошо и что такое плохо. Из современных массовых идей в нем сильнона тема политкорректности: неважно, хвостат ты или перепончатокрыл, важны твои жизненные установки. Предыдущую серию бранили за похожесть персонажей то на афроамериканцев, то на людей восточных рас — все это Лукас теперь учел и из всех ассоциаций вынужденно оставил только купца с планеты Татуин, который подозрительно смахивает на шмелеподобного Шейлока.

Лукас — человек техники. Его гений связан с уникальной способностью увидеть в движении хай-тека новое искусство. В 1977-м он первым потребовал, чтобы его «Звездные войны» шли только в режиме тогда диковинного «Долби-стерео». Он первым приспособил для кино компьютер: на 22 года забросил режиссуру, но создал лабораторию Industrial Light + Magic, где были разработаны принципы компьютерной анимации и спецэффектов. Теперь он первым снял суперзрелищный фильм целиком «на цифре» и первым его продемонстрировал в 80 цифровых кинотеатрах США. Это, если быть точным, уже и не фильм, потому что film — это пленка, а в «Атаке клонов» ее нет ни метра. Новшество дало революционный эффект: полотно экрана поражает многонаселенностью, в каждом углу чем-то занят какой-то монстрик. Перед динамикой и размахом гонок через ушелья супергорода бледнеет сцена ралли из «Скрытой угрозы». Ушастый магистр

Хейден Кристенсен и Натали Портман — сладкая звездная парочка

Йода, которого прежде играла кукла, обрел мимику и стал походить на пушкинского Кота ученого; его можно заставить драться в полупародийном эпизоде а la «Крадущийся тигр». Технологии дали режиссеру счастливые возможности для игры, и он охотно пародирует; особенно хороши бои в космическом Колизее — книксен в сторону «Гладиатора».

Лукас стал сотворителем миров — они подробны и обжиты, населены захватывающими дух существами и реальны настолько, что уже не интересуешься — как это сделано. Он придумал для них историю, политику и этический кодекс, там распадаются союзы и разражаются экономические кризисы, бушует галактическая Дума и шустрят дипломатические делегации. Его картины — создания не столько режиссера, сколько ге-

ниального художника-фантазера, вооруженного компьютером. Это новая игра в Швамбранию, это эффект «Сим-сити» с примесью капустника, где фантазия и юмор не ограничены ничем. Теперь они не ограничены даже техническими возможностями.

Но, оказалось, есть границы у человеческого восприятия. Когда возможно совсем все, а ты к тому же знаешь конец, рискованная ситуация уже не волнует, саспенса нет и в планах, динамичнее кино — рассматриваешь, его азарт — азарт выража. Лукас это понимает и потешается над неуязвимостью джедаев, которые способны упасть с тысячного этажа в сиденье ракеты-кабриолета, лавирующей на субзвуковой скорости, причем их плащ слегка колышется на ветру. Он метит каждого героя одной, но броской краской, а

диалогам типа «Я околдован поцелуем, который ты мне подарила» вообще не уделяет внимания. За этих героев уже нельзя переживать, но можно отдаться на волю вихря, шурша поп-корном, досадуя в сюжетных паузах и комментируя события — чем и был занят все два часа наш кинозал.

Теперь Лукас готовит «Эпизод III», еще не названный, где предстоит сомкнуть цепь времен. Эта операция уже теперь выглядит вполне очевидной и является делом чистой техники. В сфере картинки-действия, похоже, удалось достичь совершенства и предела, а психологических откровений в «Войнах» не заложено изначально. Чтобы сделать центральный, он же заключительный, эпизод новой сенсацией, Лукасу придется изобрести голографическое кино.

Лукас Джосифович

18.05.02

104